

**«И разыгрались же кони в поле...»
инсценировка М.Астафьева по рассказам В.М.Шукшина**

1 акт

1. Верую.

Максим: Опять!.. Навалилась.

Жена Максима: О!.. Господи... Пузырь: туда же, куда и люди, – тоска.

Жена Максима: С чего тоска-то?

Пауза

Жена Максима: Давай матерись, Полайся – она, глядишь, пройдет, тоска-то. Ты лаяться-то мастер.

Максим: Не поймешь ведь.

Жена Максима: Почему же я не пойму? Объясни, пойму.

Максим: Вот у тебя все есть – руки, ноги... и другие органы. Какого размера – это другой вопрос, но все, так сказать, на месте. Заболела нога – ты чувствуешь, захотела есть – налаживаешь обед... Так?

Жена Максима: Ну.

Максим: Но у человека есть также – душа! Вот она, здесь, – болит! Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит.

Жена Максима: Больше нигде не болит?

Максим: Слушай! Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трешку на водку, я же хочу... Дура!

Пауза

Максим: Спроси меня напоследок: кого я ненавижу больше всего на свете? Я отвечу: людей, у которых души нету. Или она поганая. С вами говорить – все равно, что об стенку головой биться.

Жена Максима: Ой, трепло!

Максим: Сгинь с глаз!

Жена Максима: А тогда почему же ты такой злой, если у тебя душа есть?

Максим: А что, по-твоему, душа-то – пряник, что ли? Вот она как раз и не понимает, для чего я ее таскаю, душа-то, и болит. А я злюсь поэтому.

Нервничаю.

Жена Максима: Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают культурно... В кино ходят. А этот – нервничает, видите ли. Пузырь.

Этюд: Зима. Мороз. Село коптит в стылое ясное небо серым дымом – люди согреваются. Пройдет бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами слышно, как скрипит под ее валенками тугой, крепкий снег. Собака залает сдуру и замолкнет – мороз. Люди – по домам, в тепле. Разговаривают, обед налаживают, обсуждают ближних... Есть – выпивают, но и там веселого мало.

Максим: Ну и что? Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих – свои такие же будут. А у тех – свои... И все? А зачем?

2. Упорный

Моня: Все началось с того, что Моня Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель - невозможен. По тем-то и тем-то причинам -- потому хотя бы, что существует трение.

Прочитал Моня, что вечный двигатель - невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались все же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех "вечных двигателей", какие -- в разные времена -- предлагались... И задумался.

Что трение там, законы механики - он все это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого "вечного двигателя", какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен. Как-то так бывало с ним, что на всякие трезвые мысли... от всяких трезвых мыслей он с пренебрежением отмахивался и думал свое: "Да ладно, будут тут мне..." И теперь он тоже подумал: "Да ну!.. Что значит -- невозможен?"

Моня перестал видеть и понимать все вокруг, весь отдался великой изобретательской задаче. Что бы он ни делал - ехал на машине, ужинал, смотрел телевизор - все мысли о двигателе. Он набросал уже около десятка вариантов двигателя, но сам же и браковал их один за одним. Мысль работала судорожно.

Моня вскакивал ночами, чертил какое-нибудь очередное колесо... В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, сразу с колеса начал и продолжал искать новые и новые способы - как заставить колесо постоянно вертеться.

И наконец способ был найден. Вот он:

берется колесо, например велосипедное, закрепляется на вертикальной оси. К ободу колесо жестко крепится в наклонном положении (под углом в 45 градусов к плоскости колеса, желоб - так, чтоб по желобу свободно мог скользить какой-нибудь груз, допустим, килограммовая гирька). Теперь, если к оси, на которой закреплено колесо, жестко же прикрепить (приварить) железный стерженек так, чтобы свободный конец этого стерженька проходил над желобом, где скользит груз... То есть если груз, стремясь вниз по желобу, упрется в этот стерженек, то он же будет его толкать, ну, не толкать - давить на него будет, на стерженек-то! А стерженек соединен с осью, ось закрутится - закрутится и колесо. Таким образом, колесо само себя будет крутить.

Моня придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, желоб, стерженек, грузик... И даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали!

Просыпается Бабка Мони.

Бабка: Чего эт ты седня такой?

Моня: Какой?

Бабка: Довольный-то. Жмурися, как кот на солнышке... Приснилось, что ль, чего?

Моня: Мне приснилось, что я нашел десять тысяч рублей в портфеле,

Бабка: Подь ты к лешему! Ну, и что бы ты с имя стал делать?

Моня: Что?.. А ты что?

Бабка: Я тебя спрашиваю.

Моня: Хм... Нет, а вот ты чего бы стала делать? Чего тебе, например, надо?

Бабка: Мне ничего не надо. Может, дом бы перебраться...

Моня: Лучше уж новый срубить. Чего тут перебирать -- гнилье трясти.

Бабка: Гнилье-то гнилье... А уж я доживу тут. Немного уж осталось. Я уж все продумала, как меня отсюда выносить будут.

Моня: Начинается! Чего ты опять?

Бабка: А чего же? Что я, два века жить буду? Приде-ет матушка...

Моня: Ну, и... придет значит, придет: чего об этом говорить раньше время?

Бабка: Дак чего приснилось-то?

Моня: Да ничего... Так я: утро вон хорошее, я и... радый.

Бабка: Ну, ну... И радуйся, пока молодой. Старость придет-не возрадуется.

Моня: Ничего! Мы еще... сообразим тут! Скажем еще свое "фэ"!

Моня приходит к инженеру

Моня: Здравствуй!

Инженер: Здравствуй!

Моня: Зашел сказать свое "фэ".

Инженер: Что еще за "фэ"?

Моня: Как ученые думают насчет вечного двигателя? А?

Инженер: Что за вечный двигатель?

Моня: Ну этот - перпетуум мобиле. Нормальный вечный двигатель, который никак не могли придумать...

Инженер: Ну? И что?

Моня: Как сейчас насчет этого думают?

Инженер: Да кто думает-то?

Моня: Ученый мир... Вообще. Что, сняли, что ли, эту проблему?

Инженер: Никак не думают. Делать, что ли, нечего больше, как об этом думать.

Моня: Значит, сняли проблему?

Инженер: Сняли.

Моня: Не рано?

Инженер: Что "не рано"?

Моня: Сняли-то. Проблему-то.

Инженер: Что, изобрел вечный двигатель, что ли?

Моня: Изобрел.

Инженер: Поздравляю.

Моня: А что дальше?

Инженер: В каком смысле?

Моня: Ну, ты поздравил... А дальше?

Инженер: Дальше - пускай его по инстанции, добивайся... Ты его сделал уже? Или только придумал?

Моня: Придумал.

Инженер: Ну вот... Вот и двигай теперь... Пиши что ли, я не знаю.

Моня: Ну, а что ж ты даже не поинтересуешься: что за двигатель? Узнал бы хоть принцип работы... Ты же инженер. Неужели тебе неинтересно.

Инженер: Почему? Парень... ты же говорил, что в техникуме сколько-то учился...

Моня: Полтора года.

Инженер: Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком. Что, неужели веришь в этот свой двигатель?

Моня: Ты же даже не узнал принцип его работы, а сразу - бредятина!

Инженер: И узнавать не хочу.

Моня: Почему?

Инженер: Потому что - это глупость. И ты должен сам понимать, что глупость.

Моня: Ну, а вдруг не глупость?

Инженер: Проверь. Проверь, а потом уж приходи... с принципом работы. Но если хочешь мой совет: не трать время и на проверку.

Моня: Спасибо за совет. Вообще за добрые слова...

Инженер: Ну вот... И не тронь вас. Скажи еще, что меня в институте учили...

Моня: Да ну, при чем тут институт! Я же к тебе не за справкой пришел...

Инженер: Ну, а чего же уж такая... самодеятельность-то тоже! Почти девять лет учился, и -- на тебе: вечный двигатель. Что же уж?.. Надо же понимать хоть такие-то вещи. Как ты думаешь: если бы вечный двигатель был возможен, неужели бы его до сих пор не изобрели?

Моня: Да вот так все рассуждают: невозможен, и все. И все махнули рукой...

Инженер: Да не махнули рукой, а доказали давно: не-воз-можен! Ладно, было бы у человека четыре класса, а то... Ты же восемь с половиной лет учился! Ну... Как же так? Что же ты восемь с половиной лет делал?

Моня: Смолил и к стенке становил. Что ты как на собрании выступаешь? Чего красуешься-то? Я тебя куда выдвигать не собираюсь.

Инженер: Вот видишь... Умеешь же говорить... Значит, не такой уж темный. Не хрена тогда и с вечным двигателем носиться... Людей смешить.

Инженер уходит.

Моня: "Что же ты восемь с половиной лет делал?" "Что же ты восемь с половиной лет делал?" Ну, и что? Груз - вот он - давит на стержень... Давит же он на него? Давит. Как же он не давит-то! А что же он делает?

Ну?.. Груз давит на стержень, стержень от этого давления двинется...

Двинется. А другим концом он приварен к оси... Да что за мать-перемать-то!

Ну, и почему это невозможно?! Но - вот же, вот! Что они? Ну, пусть докажут,

что груз не будет давить на стержень, а стержень не подвинется от этого. А почему он не подвинется-то? Вы согласны -- подвинется? Тогда и ось... Тьфу!

Моня возвращается к инженеру.

Моня: Здравствуйте. А муж уехал?

Жена инженера: Уехал.

Моня: А вы же ведь учительница?

Жена инженера: Да. А что?

Моня: По какому?

Жена инженера: По математике.

Моня: Ну-ка, гляньте одну штуку... Я тут поспорил с вашим мужем... Идите-ка сюда. *(Пауза)* Что?

Жена инженера: А в чем дело-то?

Моня: Смотрите, вот это такой желобок, из сталистой какой-нибудь жести... Так? Он - вот так вот - наклонно прикреплен к ободу этого колеса. Если мы сюда положим груз, вот здесь, сверху... А вот это будет стержень, он прикреплен к оси. Груз поехал, двинул стерженек... Он же двинет его?

Жена инженера: Надавит...

Моня: Надавит! Он будет устремляться от этого груза, так же? Стерженек-то. А ось что будет делать? Закрутится? А колесо? Колесо-то на оси жестко сидит...

Жена инженера: Это что же, вечный двигатель, что ли?

Пауза.

Жена инженера: Что это?

Моня: Да вы же сами сказали!

Жена инженера: Вечный двигатель?

Моня: Ну. А?

Жена инженера: Не будет колесо вращаться.

Моня: Почему?

Жена инженера: Не знаю пока... Это надо рассчитать. Оно не должно вращаться.

Моня: Ну, ребята!.. Я не понимаю: или вы заучились, или... Почему не будет-то? Почему?

Жена инженера: А вам нужно, чтобы оно вращалось?

Моня: Почему оно не будет вращаться?

Моня: А как вам муж объяснил?

Жена инженера: Муж... никак. Муж взялся стыдить меня, -

Моня: Вы скажите, почему колесо... Груз давит?

Жена инженера: Давит.

Моня: Давит, Стержень от этого давления...

Жена инженера: Знаете что, чего мы гадаем тут: это нам легко объяснит учитель физики, Александр Иванович такой... Не знаете его?

Моня: Знаю.

Жена инженера: Он же недалеко здесь живет. Только подождите меня, ладно? Я с вами пойду. Мне тоже интересно стало.

Моня: А-а. Ну конечно. Я на крыльце подожду. Вот дела-то! Да?

Жена инженера: Я сейчас.

Моня и жена Инженера приходят к учителю физики.

Учитель Физики:(жене инженера) Вот!.. Видите, как все продумано! А вы говорите...

Учитель Физики (Моне и жене инженера): Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу ваш желоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо желоба прикреплю тоже стержень -- вертикально. Вот... - Вот сюда мы его присобачим... Так? Теперь я к этому вертикальному стержню прикрепляю пружину... Во-от. А другим концом...

Моня: Я уже такой двигатель видел в книге. Так не будет крутиться.

Учитель Физики: Ага! А почему?

Моня: Пружина одинаково давит в обои концы...

Учитель Физики: Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз. Груз лежит на желобе и давит на стержень. Но ведь груз - это та же пружина, с которой вам все ясно: груз так же одинаково давит и на стержень и на желоб. Ни на что - чуть-чуть меньше, ни на что - чуть-чуть больше. Колесо стоит,

Моня: Да как же?! Вы что? По желобу он только скользит, - желоб можно еще круче поставить, - а на стержень падает. И это одинаково?!

Учитель Физики: Да! Одинаково! Эта неравномерность - это кажущаяся неравномерность, здесь абсолютное равенство...

Моня: Да горите вы синим огнем с вашим равенством!

Моня уходит. Учитель физики и жена инженера тоже. Моня возвращается.

Моня: Это черт знает что!.. Как сговорились. Ведь ясно же, ребенку ясно: колесо не может не вертеться! Нет, оно, видите ли, НЕ ДОЛЖНО вертеться. Ну что это?!

Моня приколбасил опять домой, написал записку, что он себя неважно чувствует, нашел бабку на огороде, велел ей отнести записку в совхозную контору, не стал больше ничего говорить бабке, а ушел в сарай и начал делать вечный двигатель.

И он его сделал. Весь день пластался, дотемна. Доделывал уже с фонарем. Разорил велосипед (колесо взял), желоб сделал из старого оцинкованного ведра, стержень не приварил, а скрепил с осью болтами... Все было сделано, как и задумалось.

Моня подвесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил... И без волнения толкнул колесо ногой. Почему-то охота было начать вечное движение непременно ногой. И привалился спиной к стене. И стал снисходительно смотреть, как крутится колесо. Колесо покрутилось - покрутилось и стало. Моня потом его раскручивал уже руками... Подолгу - с изумлением, враждебно - смотрел на сверкающий спицами светлый круг колеса. Оно останавливалось. Моня сообразил, что не хватает противовеса. Надо же уравновесить желоб и груз! Уравновесил. Опять что есть силы раскручивал колесо, опять сидел над ним и ждал. Колесо останавливалось. Моня хотел изломать его, но раздумал... Посидел еще немного, встал и с пустой душой медленно пошел куда-нибудь.

Пришел на речку, сел к воде, выбирал на ощупь возле себя камешки и стрелял ими с ладони в темную воду.

Моня не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним надсмеялись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный двигатель никто в селе еще не изобретал. Этого хватит месяца на два -- говорить. Пусть. Надо и посмеяться людям. Они много работают, развлечений тут особых нет -- пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то, Моня, людей. Он думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча... И себя тоже стало немного жаль.

Дождался Моня, что и заря занялась. Он вовсе отрешился от своей неудачи. Умылся в реке, поднялся на взвоз и пошел береговой улицей. Просто так опять, без цели. Спать не хотелось. Надо жениться на какой-нибудь, думал Моня, нарожать детей -- трех примерно и смотреть, как они развиваются. И обрести покой, ходить вот так вот - медленно, тяжело и смотреть на все спокойно, снисходительно, чуть насмешливо. Моня очень любил спокойных мужиков.

Наступает рассвет.

Село пробудилось; хлопали ворота, мычали коровы, собираясь в табун. Переговаривались люди, уже где-то и покрикивали друг на друга... Все как положено. Слава богу, хоть тут-то все ясно.

Солнце всходит и заходит, всходит и заходит - недостижимое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту... Радости подсчитывают, удачи. Хэх!.. люди, милые люди... Здравствуйте!

3. Страдания молодого Ваганова

Ваганов: Молодой выпускник юридического факультета, молодой работник районной прокуратуры, молодой Георгий Константинович Ваганов был с утра в прекрасном настроении. Вчера он получил письмо... Он, трижды молодой, ждал от жизни всего, но этого письма никак не ждал. Была на их курсе Майя Якутина, гордая девушка с точеным лицом.

Ваганова ни тогда, на курсе, ни после, ни теперь, когда хотелось мысленно увидеть Майю, не оставляло навязчивое какое-то, досадное сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером. Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка. Георгий Ваганов хотел во всем разобраться, а разобраться тут было нечего: любил он эту Майю Якутину.

С их курса ее любили четыре парня; все остались с носом. На последнем курсе Майя вышла замуж за какого-то, как прошла весть, талантливого физика. Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом. Но винить или обижаться на Майю Ваганов не мог: во-первых, никакого права не имел на это, во-вторых... за что же винить? Жалко, конечно, но...

Майя писала, что ее семейная жизнь "дала трещину", что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного повидать страну – поездить. В связи с этим спрашивала:

Майя: "Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встречу меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно?"

Ваганов: Дальше она еще писала, что у нее была возможность здорово переосмыслить свою жизнь и жизнь вокруг, что она теперь хорошо понимает,

например, его, Жоркино, упорство в учебе и то, с какой легкостью он, Жорка, согласился ехать в такую глухомань...

"Ну-ну-ну, легче, матушка, легче. Подожди пока цыпляток считать".

Предстояло или на работе, если удастся, или дома вечером дать ответ Майе. И он искал слова и обороты, какие должны быть в его письме, в письме простом, великодушном, умном. Искал он такие слова, находил, отвергал, снова искал... А сердце нет-нет да подмоет:

"Неужели же она моей будет? Ведь ни страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как..."

Приходит Попов.

Попов: Можно к вам?

Ваганов: Входите.

Попов: Здравствуйте.

Ваганов: Садитесь.

Ваганов убирает листы для письма с ответом Майе в сторону.

Попов: Я тут... это... характеристику принес.

Ваганов: Какую характеристику?

Попов: На жену. Они тут на меня дело заводят... А я хочу объяснить...

Ваганов: Вы Попов?

Попов: Ага.

Ваганов: А что вы объяснить-то хотите? Вы объясните, почему вы драку затеяли? Почему избили жену и соседа? При чем тут характеристика-то?

Ваганов: Ну-ка дайте характеристику.

Ваганов читает характеристику.

Ваганов: Попов... это ведь не меняет дела.

Попов: Как не меняет?

Ваганов: Не меняет. Вот вы тут пишете, что она такая-то и такая-то – плохая. Допустим, я вам поверил. Ну и что?

Попов: Как же? Она же меня нарочно посадила! На пятнадцать суток-то. Посадила, а сама тут с этим... Я же знаю. Мне же Колька Королев все рассказал. Да я и без Кольки знаю... Она мне сама говорила.

Ваганов: Как говорила?

Попов: Говорила! Тебя, говорит, посажу, а сама тут поживу с Мишкой.

Ваганов: Да ну... Что, так прямо и говорила?

Попов: Да в том-то и дело! Тебя, говорит, посажу, а сама – назло тебе – поживу с Мишкой.

Ваганов: Она именно "назло" и говорила?

Попов: Да нет! Я же знаю ее!.. И Мишаню этого знаю – сроду от чужого не откажется. Все, что я там написал, я за все головой ручаюсь. Жили, собаки! На другой же день стали жить. Их Колька Королев один раз прихватил...

Ваганов: Ну, не знаю... Тогда уж разводиться, что ли, надо?

Попов: А куда я пойду – разведусь-то? Она же дом отсудит? Отсудит. Да и это... ребятишки еще не оперились, жалко мне их...

Ваганов: Сколько у вас?

Попов: Трое. Меньшому только семь, я люблю его до смерти... Мне на стороне не сдюжить – вовсе сопьюсь.

Ваганов: Ну слушайте!.. Вы уж прямо как... паралитик какой: "не сдюжу", "сопьюсь". Ну а как быть-то? Ну представьте себе, что вы вот не с жалобой пришли, не к начальству, а... к товарищу. Вот я вам товарищ, и я не знаю, что посоветовать. Сможешь с ней жить после этого – живи, не сможешь...

Попов: Смогу. Черт с ней, что она хвостом раз-другой вильнула. Только пусть это больше не повторяется. Я сам виноватый: шумлю много, не шибко ласковый... Если б был маленько поласковой, она, может, не додумалась бы до этого.

Ваганов: Так живи!

Попов: Живи... Они же посадить хотят. И посадят, у их свидетелей полно, медицинские экспертизы обои прошли... Года три впаяют.

Ваганов: Что же ты хочешь-то, я не пойму?

Попов: Чтоб они закрыли дело.

Ваганов: А характеристика-то зачем?

Попов: А чтоб навстречу тоже бумаги двинуть. Может, посмотрят, какие они сами-то хорошие, и закроют дело. Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!

Ваганов: Здорово избил-то?

Попов: Да где здорово! Шуму больше, крику...

Ваганов: А без битья уж не мог?

Попов: Не сдюжил...

Ваганов: Опять не сдюжил! Ах ты, какие мы несдюжливые! Ведь если б ты сдюжил и спокойно подал на развод, то еще посмотрели бы, как вас рассудить: возможно, что и... Впрочем, что же теперь об этом?

Попов: Да, чего уж,

Ваганов: Как вы поженились-то?

Попов: Как?.. Обыкновенно. Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала... Ну сошлись. Я ее и раньше знал.

Ваганов: А жена где сейчас?

Попов: Где работает, что ли? Там же, в сельпе.

Ваганов: На работе сейчас?

Попов: На работе.

Ваганов: Тебя кто научил с характеристикой-то?

Попов: Никто, сам. Нет, говорили мужики, надо, мол, навстречу бумаги какие-нибудь двинуть... Я подумал... чего двинуть? Написал вот...

Ваганов: Хорошо, оставь ее мне. Иди. Я попробую с женой поговорить.

Попов выходит. Ваганов один.

Ваганов: Ну что, Майя? Что будем делать? Фу ты, черт? "Вечером напишу".

04. Сапожки

Город. Выход Продавщицы. Выход Сергея. Встреча его с сапожками.

Продавщица: Куда?

Сергей: Это сколько же такие пипеточки стоят?

Продавщица: Какие пипеточки?

Сергей: Да вот... сапожки-то.

Продавщица: Пипеточки какие-то... Шестьдесят пять рублей.

Сергей: Да... Кусаются.

Хотя бы один раз надо сделать жене настоящий подарок. А главное красивый подарок. Она таких сапожек во сне не носила.

Вообще-то не для деревенской грязи такие сапожки, если уж говорить честно.

Хотя она их, конечно, беречь будет... Раз в месяц и наденет-то – сходить куда-нибудь. Да и не наденет в грязь, а – посуху. А радости сколько!

Она иногда, как маленькая, до слез радуется. Она вообще-то хорошая.

С нами жить – надо терпение да терпение, думал Сергей. Одни проклятые выпивки чего стоят. А ребятишки, а хозяйство... Нет, они двужилые, что могут выносить столько. Тут хоть как-нибудь, да отведешь душу: выпьешь когда – все легче маленько, а ведь они с утра до ночи, как заводные.

Босиком она, правда, не ходит, чего зря приbedняться-то? Ходит, как все в деревне ходят... Красивые, конечно, сапожки, но не по карману.

Вот так живешь – сорок пять лет уже, – все думаешь: ничего, когда-нибудь буду жить хорошо, легко. А время идет... И так и подойдешь к той ямке, в которую надо ложиться, – а всю жизнь чего-то ждал.

Спрашивается, какого дьявола надо было ждать, а не делать такие радости, какие можно делать? Вот же: есть деньги, лежат необыкновенные сапожки – возьми, сделай радость человеку! Может, и не будет больше такой возможности. Дочери еще не невесты – чего-ничего, а надеть можно – износят. А тут – один раз в жизни...

Сергей: Ну-ка дай-ка их посмотреть,

Продавщица: Чего?

Сергей: Сапожки.

Продавщица: Чего их смотреть? Какой размер нужен?

Сергей: Я на глаз прикину. Я не знаю, какой размер.

Продавщица: Едет покупать, а не знает, какой размер. Их примерять надо, это не тапочки.

Сергей: Я вижу, что не тапочки. По цене видно, хэ-хэ...

Продавщица: Ну и нечего их смотреть.

Сергей: А если я их купить хочу?

Продавщица: Как же купить, когда даже размер не знаете?

Сергей: А вам-то что? Я хочу посмотреть.

Продавщица: Нечего их смотреть. Каждый будет смотреть.

Сергей: Ну, вот чего, милая, я же не прошу показать мне ваши панталоны, потому что не желаю их видеть, а прошу показать сапожки, которые лежат на прилавке.

Продавщица: А вы не хамите здесь, не хамите! Налют глаза-то и начинают...

Сергей: Чего начинают? Кто начинает? Вы то, поили меня что так говорите?

Сергей: Шестьдесят пять рублей ровно? Шестьдесят пять ровно или с копейками?

Продавщица: Ровно.

Сергей: Беру.

Сергей: Я прошу сапожки. Да не гляди ты на меня, не гляди, милая, – женатый я. Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Вам платить или кассиру?

Продавщица: В кассу.

Сергей берет сапожки, уходит. Появляются мужики.

Рашпиль: Ты знаешь, что у него персональная "Волга"?! У их, когда они еще учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

Второй: У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь говорить? Персональные – у этих... апостолов. Не у апостолов, а у этих... как их?..

Рашпиль: Понял? У апостолов – персональные "Волги"! Во, пень дремучий. Сам ты апостол!

Третий: Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

Рашпиль: А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На! Пятьсот рублей хотел?

Второй: Он должен быть верующим!

Замечают Сергея с сапожками.

Сергей: Куда ты своим поршнем?

Берут рассматривают

Второй: Кому это?

Сергей: Жене.

Тут только все замолкли.

Рашпиль: Кому?

Сергей: Клавке.

Третий: Ну-ка?..

Сапожок пошел по рукам;

Рашпиль: Сколько же такие?

Сергей: Шестьдесят пять.

Все посмотрели на Сергея с недоумением. Сергей слегка растерялся.

Второй: Ты что, офонарел?

Сергей взял сапожок у Рашпиля.

Рашпиль: Во! Серьга... дал! Зачем ей такие?

Сергей: Носить.

Второй: "Половина мотороллера. Половина мотороллера".

Третий: Она тебе велела такие сапожки купить?

Сергей: При чем тут велела? Купил, и все.

Рашпиль: Куда она их наденет-то? Грязь по колено, а он – сапожки за шестьдесят пять рублей.

Второй: Это ж зимние!

Рашпиль: А зимой в них куда?

Третий: Потом, это ж на городскую ножку. Клавкина-то не полезет сроду... У ей какой размер-то? Это ж ей – на нос только.

Рашпиль: Какой она носит-то?

Сергей: Пошли вы!.. Чего вы-то переживаете?

Засмеялись.

Третий: Да ведь жалко, Сережа! Не нашел же ты их, шестьдесят пять рублей-то.

Сергей: Я заработал, я и истратил, куда хотел. Чего базарить-то зря?

Рашпиль: Она тебе, наверно, резиновые велела купить? Резиновые...

Сергей вовсю злился.

Сергей: Валяйте лучше про попа – сколько он все же получает?

Рашпиль: Больше тебя.

Сергей: Как эти... сидят, курва, чужие деньги считают. – Сергей встал. – Больше делать, что ли, нечего?

Рашпиль: А чего ты в бутылку-то лезешь? Сделал глупость, тебе сказали. И не надо так нервничать...

Сергей: Я и не нервничаю. Да чего ты за меня переживаешь-то?! Во, переживатель нашелся! Хоть бы у него займы взял, или что...

Рашпиль: Переживаю, потому что не могу спокойно на дураков смотреть. Мне их жалко...

Сергей: Жалко – у пчелки в попе. Жалко ему!

Второй: Она тебе на что деньги-то давала? На что-нибудь другое?

Сергей: Ни на что. Хватит об этом.

Дом. Появляются Жена и дочь. Потом Сергей.

Клавдия: Чего это долго-то? Я уж думала, с ночевкой там будете.

Сергей: Пока получили да пока на автобазу перевезли... Да пока там их разделили по районам...

Дочь: Пап, ничего не купил?

Сергей: Чего? Купил. Вон, в чемодане.

Клавдия извлекла из чемодана коробку, из коробки вытянула сапожки...

Клавдия: Тошно мнеченьки! Батюшки мои!.. Да кому это?

Сергей: Тебе, кому.

Клавдия: Тошно мнеченьки!..

Клавдия примеряет сапожок. Голенище не лезло.

Клавдия: Какой размер-то?

Сергей: Тридцать восьмой...

Нет, не лезли. Сергей встал, хотел натиснуть. Нет.

Клавдия: И размер-то мой...

Сергей: Вот где не лезут-то. Голяшка.

Клавдия: Да что же это за нога проклятая!

Сергей: погоди! Надень-ка тоненький какой-нибудь чулок.

Клавдия: Да кого там! Видишь?..

Сергей: Да...

Клавдия: Эх-х!.. Да что же это за нога проклятая!

Возбуждение угасло.

Клавдия: Эх-х! Да что же это за нога! Сколько они?..

Сергей: Шестьдесят пять.

Клавдия: Черт бы ее побрал, ноженьку! Разок довелось, и то... Эхма!

Ну, Груша, повезло тебе. На-ка, примерь.

Дочь растерялась.

Сергей: Ну! (*Груша берет сапоги*). Десять хорошо кончишь – твои.

Дочки уходят.

Сергей: Один раз в жизни

Клавдия: Ну, иди... Сергунь!

Сергей: Один раз.

5. Нечаянный выстрел

Колька: Нога была мертвая. Сразу была такой, с рожденья: тонкая, искривленная... висела, как высохшая плеть. Только чуть шевелилась. До поры до времени Колька не придавал этому значения. Когда другие учились ходить на двух ногах, он научился на трех -- и все. Костыли не мешали.

Этюд. Игра в мяч.

Но шли годы. Колька выросстал в красивого крепкого парня. Костыли стали мешать.

Этюд. Встреча солдата из армии. Колька в стороне.

Отец Кольки: Ты чего тут?

Колька: Так.

Отец с матерью уходят.

Колька: А время шло. И случилось то, что случается со всеми: Колька полюбил.

Этюд. Ухаживание Кольки за Глашкой.

Колька: Глашка! Когда замуж-то выйдешь, телка такая?! Хоть бы гульнуть на твоей свадьбе!

Глашка: Не берет никто, Коля! Я уж давно собралась!

Колька: Ишь ты... какая. Вот... была бы не такая красивая... жениться бы на ней, и все.

Ночь. Этюд. Свидание Глашки с другим.

Колька: Он проклял в эту ночь свои костыли. Он плакал, уткнувшись в подушку. Он не мог больше так жить!

Колька идет к фельдшеру.

Фельдшер: Ты чего ни свет ни заря поднялся?

Колька: Посмотри ногу... хочу протез попробовать. Надоело так.

Фельдшер: А-а. Давай ее сюда.

Вместе долго рассматривали ногу

Фельдшер: Здесь чувствуешь?

Колька: Чувствую.

Фельдшер: А здесь?

Колька: Ну-ка еще... Чувствую.

Фельдшер: Пошевели. Еще. А теперь - вбок. Подвигай, подвигай. Так. Вообще-то... я тебе так скажу: попробуй. Я затрудняюсь сейчас точно сказать, но попробовать можно. Ее придется отнять вот по этим пор. Понимаешь?

Колька: Понимаю,

Фельдшер: Попробуй. Сразу, может, конечно, не получится. Придется поработать. Понимаешь?

Появляется отец

Колька: Поеду ногу отрублю.

Отец: То есть как?

Колька: Протез хочу попробовать.

Колька едет в город. Возвращается из больницы с протезом.

Колька: Вот... нога. Ноженция.

Мать: Блестит весь... Господи!

Отец: Хорошая штука. Не то что у деда Кузьмы -- деревяшка. Когда попробуешь?

Колька: Подживет нога хорошенько -- попробую. Не велели торопиться.

Мать и Отец Кольки уходят.

Этюд. Колька учится ходить на протезе.

Колька: Ничего себе... ноженька. Хэх! Ничего. Придется, конечно, поработать. Ну ничего... Паразитка. С непривычки... Перекурим это дело.

Колька: Пойдешь, милая. Ну-ка... Оп-п! Паразитка! А сейчас?.. Ну-ка!.. Опять нет? Ах ты гадство.

Черти искушают Кольку ружьем. Выстрел. Этюд. Теперь Колька в Больнице.

Доктор: Сейчас лучше бы не надо. Сейчас он...

Отец отстранил доктора и пошел в палату.

Отец: Попросил бы меня - я бы попал куда надо... Чтоб сразу уж...

Отец: - Болит? Ээ...

Отец поднялся и пошел из палаты.

Доктор: Вот как обстоит дело: все зависит от того, как сильно захочет жить он сам. Понимаете? Сам организм должен...

Отец: А ты для чего здесь? Организм!..

Доктор: Не нужно так. Отпустите. Мы сделаем все, что можно будет сделать.

Отец отпускает доктора, выходит из Больницы. Дома.

Мать: Как он там?

Отец: Если помрет, тебе тоже несдобровать. Убью. Возьму топор и зарублю.

Мать: Господи, Господи...

Отец: Господи, Господи!.. Только и знаешь своего Господа! Одного ребенка не могла родить как следует... с двумя ногами! Я этому твоему Господу шею сейчас сверну.

Мать: Андрюша!.. Господи... Это из-за Глашки он. Полюбилась она ему, змея подколодная... Был парень как парень, а тут как иглу съел.

Отец: Какую Глашку?

Мать: Какую Глашку!.. Одна у нас Глашка.

Андрей повернулся и побежал к Глашке.

Глашка: Дядя Андрей, миленький!.. Да неужели из-за меня это он? А что делать-то теперь?

Отец: Он поправится. Если бы ему сказать... кхе... он бы поправился. И за такого, мол, пойду... Врач говорит: сам захочет если... Соври ему. А?

Глашка: Не могу я. Мне его до смерти самой жалко, а не могу. Другому сказала уж...

Отец: Ты только не реви... Моду взяли: чуть чего, так реветь сразу. Не можешь - значит, не можешь. Чего плакать-то? Не говори никому, что я был у тебя. --

Андрей снова пошел в больницу.

Отец: Был сейчас дома... К Глашке зашел по пути... Плачет она. Что же, говорит, он, дурак такой, не сказал мне ничего. Я бы, говорит, с радостью пошла за него...

Колька: Не надо, - Не ври, тятя... а то и так стыдно.

Андрей поднялся и пошел из палаты, сгорбившись. Недалеко от больницы повстречал Глашку. Та бежала ему навстречу

Глашка: Скажу я ему, дядя Андрей... пусть! Скажу, что согласная, -- пусть поправляется.

Отец: Не надо. Он так поправится. Врать будем - хуже.

Колька: Колька поправился. Через пару недель он уже сидел в кровати и ковырялся пинцетом в часах - сосед по палате попросил посмотреть.

В окна палаты в упор било яркое солнце. Августовский полдень вызванивал за окнами светлую тихую музыку жизни. Пахло мятой и крашеной жестью, догоряча нагретой солнцем. В больничном дворе то и дело горланил одуревший от жары петух.

1-й сосед: Не зря он так орет. Курица ему изменила. Я сам видел: подошел красный петух, взял ее под крылышко и увел.

2-й сосед: А этот куда смотрел, который орет сейчас?

1-й сосед: Этот?.. Он в командировке был - в соседней ограде.

Приходит отец

Колька: Как там, дома?

Отец: Ничего. В порядке. Потеряешь колесико-то... --

Отец с трудом ловил на одеяле крошечное колесико и подавал сыну.

Колька: Это маятник называется.

Отец: До чего же махонькое! Как только ухитряются делать такие?

Колька: Делают. На заводе все делают.

Отец: Меня, например, хоть убей, ни в жизнь не сделал бы такое.

Колька: То ты. А там умеют.

Отец: Да... там - конечно... Там умеют. Там все умеют.

6 . Ваганов

Попов: "Пришел я, бритый, она лежит, как удав на перине. Ну, говорю, рассказывай, как ты тут без меня опять скурвилась? Она видит, дело плохо, давай базланишь. Я ее жогнул разок: ты можешь потише, мол? Она вырвалась и – не куда-нибудь побежала, не к родным – к Мишке опять же дунула. Тут у меня вовсе сердце зашло, я не сдюжил..."

Входит жена Попова. Попов уходит.

Попова: Вы представляете, товарищ Ваганов, житья нет: как выпьет, так начинает хулиганить. К какому-то Мишке меня приревновал!.. Дурак необтесанный.

Ваганов: Да, да... Безобразник. Что, он не знает, что сейчас за это строго! Забыл.

Попова: Он все на свете забыл! Ничего – спомнит. Дадут года три – спомнит, будет время.

Ваганов: Дети — вот только... без отца-то – ничего?

Попова: А что? Они уж теперь большие. Да потом такого отца иметь – лучше не иметь.

Ваганов: Он всегда был такой?

Попова: Какой?

Ваганов: Ну, хулиганил, дрался?..

Попова: Нет, раньше выпивал, но потише был. Это тут – к Михаиле-то приревновал... С прошлого года начал. Да еще грозит! Грозит, Георгий Константиныч: прирежу, говорит, обоих.

Ваганов: Так, так. А кто такой этот Михайло-то?

Попова: Да сосед наш, господи! В прошлом годе приехали... Шофером в сельпо работат.

Ваганов: Он что, одинокий?

Попова: Да они так: переехать-то сюда переехали, а там дом тоже не продали. Жене его тут не глянется, а Михайле глянется. Он рыбак заядлый, а тут у нас рыбачить-то хорошо. Вот они на два дома и живут. И там огород посажен, и здесь... Вот она и успевает-ездит, жена-то его: там огород содъярживат и здесь, жадничат в основном.

Ваганов: Так, так... Вот он тут пишет, что дескать, вы ему прямо сказали: "Тебя посажу, а сама тут с Мишкой поживу". Было такое?

Попова: Это он так написал?! Нахалюга! Надо же!.. Ну надо же!

Ваганов: Врет?

Попова: Врет!

Ваганов: Значит, сажать?

Попова: Надо сажать, Георгий Константиныч, ничего не сделаешь. Пусть посидит.

Ваганов: А не жалко? –

Попова насторожилась...

Попова: В каком смысле?

Ваганов: Да я так. Идите.

Попова: Ага.

Поднялась, прошла к двери, обернулась озабоченная...

Ваганов: Во всем... во всем тщательно разберемся. Суд, возможно, будет показательный, строгий: кто виноват, тот и ответит. До свидания.

Женщина направилась к выходу... Уходила она не так уверенно, как вошла.

Ваганов: Да, а кто такой... («ищет» - «нашел») ...кто такой Николай Королев?

Попова: Господи! Королев-то? Да собутыльник первый моего-то, кто ему поверит-то!

Ваганов: Он что, зарегистрирован как алкоголик? Королев-то?

Попова: Да кто у нас их тут регистрирует-то, товарищ Ваганов! Они просто дружки с моим-то, вместе на войне были...

Ваганов: Ну хорошо, идите. Во всем разберемся.

Ваганов: Майя... Далекое имя, весеннее имя, прекрасное имя...

"Майя! Твое письмо так встревожило меня, что вот уже второй день я хожу сам не свой: весь в мыслях. Я спрашиваю себя: что это? И не могу ответить. Теперь я спрашиваю тебя: что это. Майя? Пожить у меня неделю – ради бога! Но это же и есть то, о чем я спрашиваю: что это? Ты же знаешь мое к тебе отношение... Оно, как подсказывает мне дурное мое сердце, осталось по-прежнему таким, каким было тогда: я люблю тебя. И именно это обстоятельство дает мне право спрашивать и говорить то, что я думаю о тебе. И о себе тоже. Майя, это что, бегство от себя? Ну что же... приезжай, поживи. Но тогда куда мне бежать от себя? Мне некуда. А убежать захочется, я это знаю. Поэтому я еще раз спрашиваю (как на допросе!): что это. Майя? Умоляю тебя, напиши мне еще одно письмо, коротенькое, ответь на вопрос: что это, Майя?" ... "Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу!.. Слизняк".

А что? "А что, Майя? Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя".

Приходит Попов.

Ваганов: Входи.

Ваганов: Как твое имя?

Попов: Павел.

Ваганов: Ну, как там?... Дома-то?

Попов: Ничего вроде... А что?

Ваганов: Не говорил с женой?

Попов: Мы с ей неделю уж не разговариваем.

Ваганов: Не заметил в ней никаких перемен?

Попов: Заметил. Вчера вечером долго на меня смотрела, потом говорит: "Был у следователя?" – "Был, – говорю. – А что, тебе одной только бегать туда?"

Ваганов: А она что?

Попов: Ничего больше. Молчит. И я молчу.

Ваганов: Возьмут они свои заявления назад. Еще разок вызову, может, не раз даже... Думаю, что возьмут.

Попов: Хорошо бы. Неохота сидеть, ну ее к черту. Немолодой уже...

Ваганов: Павел, хочу с тобой посоветоваться... Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете одна женщина, я ее люблю. Она была замужем, сейчас разошлась с мужем и дает мне понять... Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь.

Попов: Чего так?

Ваганов: Да боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропаду, боюсь, с ней. Это ж на нее только и надо будет работать: чтоб ей интересно жить было, весело, разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы побоку, а только ублажай ее.

Попов: Ну-у, как же это так? Надо, чтоб жизнь была дружная, чтоб все вместе: горе – горе, радость тоже...

Ваганов: Да постой, это я знаю – как нужно-то! Это все знаю.

Попов: А что же?

Ваганов: Я знаю, как надо. Как должны жить люди, это все знают. А вот как быть, если я знаю, что люблю ее, и знаю, что она... никогда мне другом настоящим не будет? Твоя жена тебе друг?

Попов: Да моя-то!..

Ваганов: А что "моя-то"? Люди все одинаковы, все хотят жить хорошо... Разве тебе не нужен был друг в жизни?

Попов: Я так скажу, товарищ Ваганов. С той стороны, с женской, оттуда ждать нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же... Почему же, мол, люди

жить-то не умеют? Ведь ты погляди: что ни семья, то разлад. Что ни семья, то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего ждать от бабы... Баба, она и есть баба.

Ваганов: На кой же черт мы тогда женимся?

Попов: Это другой вопрос.

Попов: Семья человеку нужна; это уж как ни крутись. Без семьи ты пустой нуль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, что была сила – терпеть все женские выходки.

Ваганов: Но есть же... нормальные семьи!

Попов: Да где?! Притворяются. Сор из избы не выносят. А сами втихаря... бушуют.

Ваганов: Ну, елки зеленые! Это уж совсем... мрак какой-то. Как же жить-то?

Попов: Так и жить: укрепиться и жить.

Попов: И не заниматься самообманом.

Попов: Какой же она друг, вы что? Спасибо, хоть детей рожают... И обижаться на их за это не надо – раз они так сделаны. Чего обижаться?

Ваганов: Так, так. Ну нет, Попов, это в тебе горе твое говорит, неудача твоя. Это все же не так все...

Попов пожал плечами.

Попов: Вы меня спросили – я сказал, как думаю.

Ваганов: Это верно, верно. Я не спорю. Спорить тут надо целой жизнью, а так... это...

Попов: Конечно. Каждый так и живет – с самого начала. Скажи мне тогда: "Не женись, мол, Пашка, ошибесся". Что я на это? Послал бы подальше этого советчика и делал свое дело. Так оно и бывает.

Ваганов: Да-да. Это верно. Ну хорошо. До свидания, Павел. Думаю, что они возьмут свои заявления. Только ты уж...

Попов: Да нет, что вы, товарищ Ваганов! Больше этого не повторится, даю слово. Глупость это... Чего из их выколачивать-то? Пусть им самим совестно станет. А то мне же и совестно – нашумел... Хожу, кляузами занимаюсь, рази ж не совестно?

Ваганов: Ну до свидания.

Попов: До свидания.

Попов выходит.

Ваганов садится к столу – писать.

"Приезжай. Палат нету – все мое ношу собой. Встречу. Георгий".

Прочитал. Посвистел мотив: "Я играю на гармошке..." Аккуратно разорвал лист, собрал клочки в ладонь и пошел и бросил их в корзину. Постоял над корзиной... Подошел к столу и размашисто, но весь лист, написал: "Нездоровится. Пошел домой".

Ваганов пошел домой. Свернул к почте. Зашел. Взял в окошечке бланк телеграммы, присел к обшарпанному, заляпанному чернилами столику, с краешку, написал адрес Майи... Несколько повисел перышком над линией, где следовало писать текст... И написал:

"Приезжай".

Долго и внимательно смотрел. Потом смял бланк и бросил в корзину.

Женщина в окошечке: Что, раздумали? –

Ваганов: Адрес забыл.

7. Материнское сердце

Этюд. Сон Витьки. Он в тюрьме. К нему приходит мать. Мать уходит. Дождь. Пробуждение Витьки под дождем. Бросает бутылку.

Прохожий 1: Там же люди могут сидеть.

Витька: Ну?! Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Прохожий 2: А кто же тут, по-твоему?

Витька: Суки! Каучук работаете, да?

Трое пошли на него. Витька пошел на троих... Снимает ремень. Наматывает на руку оставив бляху свободной. Драка.

Прибежала милиция... Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать. Участковый

Мать: Батюшки-святы! Чего же ему теперь за это?

Участковый: Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера травма, лежит в больнице. За такие дела - только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

Мать: Батюшка, ангел ты мой господний, помоги как-нибудь!

Участковый: Да ты что! Как я могу помочь?..

Мать: Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

Участковый: Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже, наверно, завели дело...

Мать: А кто же бы мог бы помочь-то?

Участковый: Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже... Что они там могут сделать?

Мать. Председатель.

Председатель: Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

Мать: Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что - по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

Председатель: Там ведь не будут спрашивать, по пьянке он или не по пьянке... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

Мать: Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, вот спасибо-то...

Председатель: Да не за что...

Сын. Девка 1.

Рита: Разреши прикурить,

Витька: С похмелья?

Рита: Ну.

Витька: А похмелиться не на что.

Рита: А у тебя есть?

Витька: Пойдем, поправься.

Витька: Здесь живешь?

Рита: Вот тут, недалеко. Спасибо, легче стало.

Витька: Может, еще хочешь?

Рита: Можно вообще-то... Только не здесь,

Витька: Где же?

Рита: Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

Рита: У меня там еще подружка есть,

Витька: С закусом одолеем. Есть чем закусить?

Рита: Найдем.

Мать. Старший милиционер.

Милиционер: Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще - не ребром угодил...

Мать Витьки: Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой - простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубаху отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Старший милиционер: Ты подожди, мать. Ты встань, встань - здесь не церква. Иди, глянь...

Старший милиционер: Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

Мать Витьки: Во флоте, во флоте - на кораблях-то на этих...

Старший милиционер: Теперь смотри: видишь? Этим же убить человека -- дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром - конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь: простить. Ведь он же трех человек в больницу уложил. А одного при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Мать Витьки: Да сыночки вы мои милые! Да нечто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает - подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Мать Витьки: Один он у меня - при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А еще вот жениться надумал - как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи - жалко...

Старший милиционер: Он зачем в город-то приезжал?

Мать Витьки: Сала продать. На базар - сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили, где их больше возьмешь?

Старший милиционер: При нем никаких денег не было,

Мать Витьки: Батюшки-святы! А иде ж они?

Старший милиционер: Это у него надо спросить.

Мать Витьки: Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез - украли их у него!.. Жулики украли...

Старший милиционер: Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник - за что он его-то?

Мать Витьки: Да попал, видно, под горячую руку.

Старший милиционер: Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! Не будет за это прощения, получит свое - по закону,

Мать Витьки: Да ангелы вы мои, люди добрые, пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

Старший милиционер: Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться.

Мать Витьки: А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала - пропасть! Все им готовила...

Старший милиционер: Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же не кум с кумом поцапались!

Мать Витьки: Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

Старший милиционер: Мельников, проводи ее до прокурора. Сходи к прокурору - он повыше нас! И дело уже у него. И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты!

Сын. Девка 2.

Рита: Чего приезжал?

Витька: Сало продал... Деньги нужны -- женюсь.

Рита: Да?

Витька: Женюсь. Хватит бурлачить.

Рита: Хорошая девушка?

Витька: Как тебе сказать?... Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

Рита: А насчет любви?

Витька: Как тебе сказать?... Такой, как раньше бывало, - здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, - такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

Рита: Не промахнись. Будешь потом... Непривязанный, а визжать будешь.

Пришли домой.

Витька: А где же подружка?

Рита: Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

Витька: Посижу. Только поскорей, ладно?

Рита: Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Витька: "Шик-блеск-тру-ля-ля"

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты - похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке, "работала каучук". Потом пили... Витька прямо тут же за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо была рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула, обнимала за шею.

Витька: "Вот она - жизнь! Вот она - зараза кипучая. Молодец я!"

Мать. Прокурор.

Мать Витьки: Сын мой. Витька. хороший, добрый. Он трезвый мухи не обидит. Как же мне теперь одной-то оставаться? Девка, невеста, не дождется Витьку, такую девку подберут с руками-ногами - хорошая девка...

Прокурор: Вот ты - крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?..

Мать Витьки: Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

Прокурор: Ну вот - шестнадцать. В миниатюре - целое общество. Во главе - отец. Так?

Мать Витьки: Так, батюшка, так. Отца слушались...

Прокурор: Вот! Слушались! А почему? Нашкодил один - отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко - там не курорт, и поедет он, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд.

Мать Витьки: Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

Прокурор: Как это?

Мать Витьки: Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор: Есть, мать, есть. Много!

Мать Витьки: Где же они?

Прокурор: Ну, где?.. Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

Мать Витьки: Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока не сужденый, потом тяжельше будет...

Прокурор: Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?

Мать Витьки: Да посоветовали...

Прокурор: Ну, поезжай. Проездишь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

Мать Витьки: Разрешите мне хоть свиданку с ним...

Прокурор: Это можно. У него что, деньги большие были, говорят?

Мать Витьки: Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери:

Прокурор: Иди в милицию.

Мать. Этюд. Дорога в милицию.

Начальник милиции. Ну?

Мать Витьки: Велел в краевые организации ехать. А вот – на свиданку.

Она подала бумажку. Начальник был несколько удивлен. Прочитал записку.

Начальник милиции. Проводи, Мельников.

Мельников провожает мать к сыну.

Милиционер Мельников: Десять минут на разговоры.

Мать и сын.

Мать Витьки: Гляди-ка - под землей, а сухо, тепло,

Мать Витьки: Деньги-то, видно, украли?

Витька: Украли.

Мать Витьки: Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают -- мы их.

Витька: Не знаешь, сильно я его?..

Мать Витьки: Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

Витька: Экспертизу, конечно, сделали... Бюллетень возьмет... Лет семь заделают.

Мать Витьки: Батюшки-святые!.. Что же уж так много-то?

Витька: Семь лет!.. Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать Витьки: Тебя как вроде уж осудили! Сразу уж - жизнь кувырком.

Витька: А чего тут ждать? Все известно...

Мать Витьки: Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

Витька: Где была?

Мать Витьки: У прокурора была...

Витька: Ну? И он что?

Мать Витьки: Да вот и спроси сперва: чего он? А то сразу - кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

Витька: А чего прокурор-то?

Мать Витьки: А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому что не имеем права, а ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим. Тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, но не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

Витька: Полторы сотни.

Мать Витьки: Батюшки-святые! Нагрели руки...

В дверь заглянул длинный милиционер

Милиционер Мельников: Кончайте.

Мать Витьки: Счас, счас. Мы уж все обговорили... Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя карактеристику... Хорошую, говорит, напишу.

Витька: Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай...

Мать Витьки: Какие грамоты?

Витька: Ну, там увидишь. Может, поможет.

Мать Витьки: Возьму. Потом схожу в контору - тоже возьму карактеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

Витька: Зачем?

Мать Витьки: Да взять бы деньжонок-то с собой - может, кого задобрить придется?

Витька: Не надо, хуже только наделаешь.

Мать Витьки: Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер

Милиционер Мельников: Время.

Мать Витьки: Пошла, пошла. На-ка поешь... Да шибко-то не задумывайся - не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники - они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться - сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь - про Верку хоть... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве забежала, а она уж слыхала...

Витька: Ну?

Мать Витьки: Горюет.

Мать Витьки: А ишо вот чего... Возьми да в уме помолись. Ничего, ты - крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду - до поезда - да забегу свечечку Николе-угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего, смилоставятся. Похоронку от отца возьму...

Витька: Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

Мать Витьки: Не буду, не буду. Только лишний раз душу растревожат. Ты, главное, не задумывайся, что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь - для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь - они через полгода выходят. Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут.

Милиционер Мельников: Время, время...

Мать Витьки: Пошла. Спаси тебя Христос.
Уходит.

8. Верую.

Поп. К нему приходит Максим.

Поп: Что?

Максим: Душа болит. Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?

Поп: Спирту хочешь?

Максим: Ты только не подумай, что я пришел специально выпить. Я могу, конечно, выпить, но я не для того пришел. Мне интересно знать: болит у тебя когда-нибудь душа или нет?

Поп налил в стаканы спирт, придвинул Максиму один стакан и графин с водой:

Поп: Разбавляй по вкусу.

Чокаются. Занавес. Конец 1-го акта.

2 действие

1. Верую

Поп: Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло – есть добро, нет зла – нет добра.

Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея – борется со злом. – Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этой войне не предвидится.

Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе – зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда – зачем он нужен?

Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

Хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А? Где такая сила? Есть она?

Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа.

Максим: Болит?

Поп: Болит.

Максим: Барсучатина-то помогает?

Поп: Что?

Максим: Барсучатина-то помогает?

Поп: Слушай, сын мой занюханый.

Максим: Ты что?

Поп: Я просил меня не перебивать.

Максим: Я про легкие спросил.

Поп: Ты спросил почему болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна. Видишь, я работаю башкой, вместо того чтобы просто пожалеть тебя, сиротиночку мелкую. Душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным.

Я пытаюсь дочерпаться до дна. Но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот это... Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но – стаканами, стаканами! Круг замкнулся – мы обречены.

Максим: Значит, если я правильно тебя понял - бога нет?

Поп: Я сказал – нет. Теперь я скажу – да, есть. Бог – есть. Имя ему – Жизнь. В этого бога я верую. Это – суровый, могучий Бог, Он предлагает добро и зло вместе – это, собственно, и есть рай. Чего мы решили, что добро должно победить зло? Зачем? в соответствии с этим моим богом, я говорю: Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Не бойся, что будешь языком сковородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай и ад. *Уходят. Занавес открывается.*

2. Случай в ресторане

Ресторан. Девушка поет песню. Спела.

Семен: От зараза! А?

Старичок: У меня не такая уж большая пенсия, и я ее, знаете, всю просиживаю в этом ресторане – слушаю, как она поет. Вам тоже нравится?

Семен: Да.

Старичок: И обратите внимание: она же совсем еще ребенок. Хоть накрашена, хоть, знаете, этакая синевца под глазами и улыбаться научилась, а все равно ребенок. Меня иной раз слеза прошибает.

Семен: Она еще петь будет?

Старичок: До без четверти одиннадцать.

Принесли коньяк, шашлык, салаты.

Семен: Выпьешь, батя?

Старичок: Наливайте! Граммов двадцать пять.

Семен наливает, выпивает.

Старичок: Боже мой!

Семен: Что?

Старичок: Здорово вы...

Семен: Между прочим, я его не уважаю – вонючий.

Старичок: Завидую я вам... Вы кто по профессии?

Семен: Бригадир. Лесоруб.

Старичок: Сибиряк?

Семен: С Урала.

Старичок: Похожи... Когда-то бывал в Сибири, видел...

Семен: Где?

Старичок: Во Владивостоке.

Семен: А-а. Не доводилось там бывать.

Старичок: Завидую вам, черт возьми! Прилетаете сюда, как орлы... Из какой-то большой жизни, и вам тесно здесь... Тесно, я чувствую.

Семен: Пей, батя.

Старичок выпил, крикнул и заторопился закусывать.

Старичок: Давно не пил, года три.

Семен: Вы что, одинокий, что ли?

Старичок: Одинокий.

Семен: Плохо.

Старичок: Ничего... Я как-то не думаю об этом. Мне вот она, дочерью, знаете, кажется. Люблю ее, как дочь. И ужасно боюсь за ее судьбу.

Семен: Она знает тебя?

Старичок: Нет, откуда?

Семен: Хорошо поет. Я не люблю, когда визжат.

Старичок: Да, да...

Семен: Добрый шашлычишко.

Старичок: – Вы – какие-то хозяева жизни. Я не умел так.

Опять вышла девушка, поправила микрофон.

Семен: Пришла.

Старичок обернулся, мельком глянул на девушку.

Старичок: Я не вижу. А в очках смотреть... как-то не могу, не люблю. Редко смотрю.

Девушка запела. Спела.

Семен: Давай еще, батя!

Семен наливает. Выпивают.

Старичок: Это что же такое будет со мной?

Семен: Ничего не будет. Мне тоже что-то жалко ее. Поет тут пьяным харям.

Старичок: О!.. Женись на ней! И увези куда-нибудь. В Сибирь. Ты же можешь... Ты вон какой!..

Семен: Во-первых, я женатый. А потом: разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай...

Старичок: С тобой поехала бы.

Семен: Едва ли.

Старичок: Никогда не надо так рассуждать: поехала, не поехала. Увидел, человек нуждается в помощи, – бери и помогай. Не спрашивай. Тем более Бог ничем, кажется, не обидел – ты же сильный!

Семен: Я женатый! Ты что?

Старичок: Я не о том. Я о тенденции... Налей-ка мне еще. Что-то мне сегодня ужасно хорошо.

Семен наливает.

Старичок: Ты мне напомнил одного хорошего человека. Ты кричишь здорово?

Семен: Как кричишь?

Старичок: Ну-ка рявкни.

Семен: Зачем?

Старичок: Я послушаю. Рявкни.

Семен: Нас же выведут отсюда.

Старичок: – Та-а... Плевать! Рявкни по-медвежьи, я прошу.

Детина поставил фужер, набрал воздуха и рявкнул.

Старичок: Хорошо. Был у меня товарищ, тоже учитель рисования... Ростом выше тебя... Ах, как он ревел! Потом он стал тигроловом. Ты знаешь, как тигров ловят? На них рявкают, они от неожиданности садятся на задние лапы...

Семен: Давай увезем ее? Она у нас в клубе петь будет.

Старичок: Давай. У меня душа спокойнее будет. Давай, Ваня!

Семен: Меня Семеном зовут.

Старичок: Все равно. Давай, сынок, спасем человека!

Семен: Ты тоже поедешь со мной.

Старичок: Я? Поеду! Мы из нее певицу сделаем! Я понимаю в этом толк.

К ним подошла официантка.

Официантка: Товарищи, что тут у вас? Кричите... Вы же не в лесу, верно?

Семен: Спокойно. Мы все понимаем.

Официантка: С вас получить можно?

Старичок: Спокойно. Продолжайте заниматься своим делом.

Официантка удивленно посмотрела на него и ушла.

Старичок: Я всю жизнь хотел быть сильным и помогать людям, но у меня не получилось – я слаб.

Семен: Ничего. Ты видишь? (*Показал кулак*). Со мной не пропадешь: с ходу любого укокошу.

Старичок: Ах, как я бездарно прожил, Ваня! Как жалко... Я даже не любил – боялся любить, ей-Богу.

Семен: Почему?

Старичок: А была вот такая же и тоже пела... Ужасно пела! И я так же сидел и слушал. Ее тоже надо было спасти. Там были офицеры... Это давно было. Красавцы!.. Тьфу! Лучше бы я ошибался, лучше бы пил, – может, смелее был бы. Я же ни разу в жизни не ошибся, Ваня! Ни одной штуки за всю жизнь не выкинул. Ты можешь поверить?

Семен: А что тут плохого?

Старичок: Ни одного проступка – это отвратительно. Это ужасно! Когда меня жалели, мне казалось – любят, когда сам любил – я рассуждал и боялся.

Семен: Лишка выпил, батя.

Старичок: Ты не понимаешь – это хорошо. Не надо понимать такие вещи.

Семен: В Сибирь-то поедем?

Старичок: Поедем. Я допью это?

Семен: Пей.

Старичок допил коньяк, трахнул рюмку об пол. Она со звоном разлетелась. А сам лег грудью на стол и заплакал. К их столику шли официантка и швейцар.

Швейцар: В чем дело?

Семен: В шляпе. Мы едем в Сибирь.

Швейцар: Хорошо. А зачем же хулиганить?

Семен: Мы не хулиганим, мы слушаем, как здесь поют.

Старичок: Она же бездарно поет, Ваня! Это ужасно, как она поет. Ты рывкаешь лучше. Талантливее. Она же не умеет петь. Но не в этом дело. Совсем не в этом...

Швейцар: Кто будет платить за рюмку?

Семен: Я. Я плачу за все.

Старичок: Ах, Ваня, Ваня... зверь ты мой милый... Как рывкнул! Орел!.. Улетим в тайгу. Улетим... В Сибирь!

Официантка: Кто это, не знаете?

Семен: Это... Это крупный интеллигент. Он сейчас на пенсии.

Официантка: Он часто здесь бывает, но никогда не пил. А сегодня чего-то... Уведите его, а то попадет куда-нибудь.

Детина ничего не сказал на это, встал, взял старичка под руку и повел.

Старичок: Куда, Ваня?

Семен: Ко мне в номер. А завтра в Сибирь.

Дежурная по этажу заартачилась, не пускала в номер со старичком. Детина держал старичка; повернулся к ней боком и сказал:

Семен: Достаньте в брюках, в кармане, деньга. Берите сколько надо, только не вякайте.

Дежурная: Завтра же вас здесь не будет!

Семен: Завтра мы в Сибирь уезжаем.

Старичок: В Сибирь, Ваня!.. Я хоть помру по-человечески. Знаешь, не надо ключом – дай ногой разок. Умоляю: садани хорошенько. Мы потом заплатим.

Семен: Спокойно. Спокойно, батя. Вот раздухарился-то!.. Указ же вышел – нам с ходу счас по пятнадцать суток заделают.

Старичок: Не бойся!

Детина отомкнул номер и бережно положил старичка на кровать, снял с него туфли, хотел было снять пиджак, но старичок почему-то запротестовал.

Старичок: Не надо, я так. Не жалею, не зову, не плачу...

Семен: Ладно. Спи.

Старичок: В Сибирь, Ваня?

Семен: Завтра. А сегодня спать надо.

Старичок: Спим. Ах, Ваня, Ваня...

Семен: Спи, батя.

... Утром детина нашел на столе записку.

Старичок: «Ваня, я не могу с тобой в Сибирь. Спасибо за все. Прощай».

Старичка нигде не было. Сказали: ушел рано утром.

3. Други игрищ и забав

Квартира Худяковых.

Отец: Ну, хорошо, ну, л-л-л... это... ладно, если он не хочет прийти, то хоть скажи: кто он?!

Костя: Подожди ты, не кричи, чего криком достигнешь?

Отец: Достигали! Вы всего достигаете!.. Вон вы чего достигаете - в подолах приносить. Радуйтесь теперь!..

Костя: Ну и... все. Чего кричать-то? Чего изменишь-то криком?

Отец: Я хочу знать: кто?! Как добрым, отдельную квартиру дали!.. Нет, они начинают тут... Тьфу!

Костя: Алька. Скажи мне, я один буду знать: кто?

Алька: Иди ты к черту! Не скажу! Не ваше дело.

Костя: Не наше?! А чье же? Не наше?... Зануды вы!.. Дуры!

Уходит на кухню. Там отец.

Отец: Вырастили дочь. Хоть беги теперь от позора... С кем она дружила-то? Не знаешь?

Костя: Откуда я знаю?

Отец: "Откуда я знаю"! Черти... Засмеют теперь, людям только дай повод. Эхх!..

Отец: Парень-то крепкий уродился.

Костя: Ну и пусть растет. Что теперь сделаешь?

Отец: Ну, нет! Это они... сильно легко жить собрались! Черта с два! Так не бывает. Ты вот что: когда успокоимся, ты как-нибудь подъехай к ней...

Хитростью как-ни-будь. Не может быть, чтобы нельзя узнать... Что, в чужой стране, что он? Поумней как-нибудь... Не кричи, а поспокойней. То, се, мол, может, привет передать... Да не может быть, чтобы нельзя было узнать! Я его приведу, подлеца, и - носом в пеленки, как кота: вот теперь твое место здесь, здесь... Гады золотушные. Ишь, научились как!.. Прямо не жизнь, а малина. Ну, нет!..

Костя: Да что нет-то? Что нет-то? Что сделаешь-то?

Отец: Что сделаю? Приведу и поселю здесь жить: вот тебе, друг ситный, твоя семья: жена и сын.

Костя: А он пошлет тебя... И все. И ничего ты не сделаешь.

Отец: Сде-елаем.

Отец уходит.

Костя: Ничего он не сделает. Что он может сделать? Покричит-покричит, а будет все как есть. Это уж... извините.

Костя роется в сумочке сестры, находит телефонную книжку. Звонит.

Костя: Света?

Света: Да-а. Кто это?

Костя: Света, это брат Алкин... Слушай сюда, у нас же это... прибавление... Знаешь, да?

Света: Да. Знаю.

Костя: А чего же он не звонит? А?

Света: Кто, Игорь?

Костя: Да, Игорь-то. Чего он?

Света: Но они же... Я не знаю.

Костя: Что "не знаю"? Чего ты хотела сказать?

Света: Не знаю...

Костя: А кто он, этот Игорь?

Света: Не знаю.

Костя: Что же вы такие, Света?

Света: Какие?

Костя: Да лахудры-то такие... Что, совсем, что ли, дуры полные?

Света положила трубку.

Костя: Игорек... Ну, держись, Игорек... Собака!

Появляется Тоскливый

Костя: Что такой задумчивый?

Тоскливый: А чего?

Костя: Ты этого... Игорька знаешь? С сеструхой-то который...

Тоскливый: А тебе что?

Костя: Пошли выпьем?

Тоскливый: Прикупить, что ли, хочешь? Зачем тебе Игорька-то?

Костя: Слушай... прости с этой выпивкой - сам не знаю, чего я... Прости. Я хочу спросить Игорька: будут они... сходиться-то?

Тоскливый: Не будут.

Костя: Почему? А зачем же тогда ребенка-то?..

Тоскливый: Это ты у сестры спроси.

Костя: Неужели ребенка-то?.. Хоть бы посмотрел. Что уж тут, съедят, что ли, вашего Игорька? Чего боитесь-то?

Тоскливый: Кто боится?

Костя: Да вы боитесь. Чего же прячетесь, если не боитесь?

Костя: Ну и поганцы же!.. Чуть чего, так в кусты. Джелтьмены, мать вашу... Твари.

Тоскливый: Мгм. Я могу дать адрес Игорька... Но вечером ты выйдешь и расскажешь, как вы там поговорили. Так есть?

Костя: Есть. Расскажу.

Тоскливый: Мичурина двадцать семь, квартира восемнадцать. Но не забудь, вечером расскажешь.

Путь на Мичурина.

Костя: "Двадцать семь, восемнадцать, двадцать семь, восемнадцать..."

Квартира Свиридовых. Звонок в дверь. Мать Игоря идет открывать дверь.

Входит Костя.

Костя: Игорь дома?

Мать Игоря: Нету... А вы... вам зачем он?

Костя: Я к вашему Игорю.

Мать Игоря: Но нет же его.

Костя: А где он? Мне его срочно надо.

Отец Игоря: А что такое?

Костя: Он скоро придет?

Отец Игоря: А что такое?

Отец Игоря: В чем дело-то, вы можете объяснить? -

Костя: У Игоря... у вашего, родился сын. Но Игорь ваш... не хочет даже... Игорь ваш прячется, как...

Отец Игоря: То-о есть? Как это?

Мать Игоря: Что, что, что?.. Что?

Костя: У Игоря вашего родился сын. Но Игорь ваш... не на тех нарвался!

Костя: Не на тех нарвался ваш Игорь!

Замечает пестик

Отец Игоря: Ну-ка, пройдемте сюда. *(уходит в комнату)* Идите сюда!

Костя: *(матери)* Идите, чтобы вы тоже знали...

Женщина проходит в комнату. Костя берет пестик, кладет в карман пиджака.

Отец Игоря: Ну-ка, по порядку. Не волнуйтесь, не... Толком расскажите, в чем дело? Кто вы такой?

Костя: Человек. Ваш Игорек... Я еще раз вам говорю: ваш Игорек стал отцом, но хочет, как гад, ускользнуть в кусты. Я повторяю: у него этот номер не пройдет.

Мать Игоря: Да кто вы такой-то?!

Отец Игоря: погоди. Ну-ка, наш Игорь стал отцом... То есть, у него родился ребенок? Так?

Костя: Так. Антон.

Отец Игоря: А кто мать... Антона?

Костя: Моя сестра.

Мать Игоря: Боже мой! Да какой же он отец?!

Отец Игоря: А кто твоя сестра?

Костя: Тоже человек.

Отец Игоря: Я тебя дело спрашиваю, сопляк! Чего ты!.. Пришел, здесь, понимаешь!.. Чего ты ломаешься сидишь? Пришел - говори дело. Кто твоя сестра?

Костя: Че-ло-век.

Мать Игоря: Молодой человек, да вы расскажите все, зачем же мы злимся-то? Расскажите спокойно.

Костя: Я не знаю, почему ваш муж обзываться начал. За сопляка я еще... мы еще про это тоже поговорим. Моя сестра... ей двадцать лет, она работала... пока не забеременела... Теперь она туда, конечно, не пойдет. От позора. Работала на почте. Мы люди простые... Мы люди простые, - но Игорек ваш от нас не уйдет. Лично от меня не уйдет. Ясно?

Отец Игоря: Ясно. Вот оттого, что ты, сопляк... я повторяю: сопляк, пришел и взял сразу такой тон, я с тобой говорить отказываюсь. Тоже ясно? Я буду говорить с твоей сестрой, с отцом, с матерью, а тебе приказываю - вон отсюда! *(и показал рукой на дверь. Он был властный человек.)*

Костя встал... И вынул из кармана пестик. И сразу без слов пошел на мужчину. Драка. Костя на полу.

Отец Игоря: Вон ты какой!.. Вставай! Садись сюда.

Костя поднялся, сплюнул сукровицей на ковер... Посмотрел на мужчину.

Костя: Все равно убью.

Мужчина толкнул его в кресло. Костя упал в кресло, ударился затылком об стенку. Но продолжал смотреть на мужчину

Костя: Убью... из ружья. Подкараулю и убью.

Мужчина с пестиком в руке сел напротив, заговорил разумно и спокойно:

Отец Игоря: Хорошо, убьешь. За что?

Костя: За то, что породили такого бессовестного... такую тварь бессовестную. Кто так делает? Кто так делает?!

Отец Игоря: Что делает? Как делает?

Костя: Как ваш сын...

Отец Игоря: А сестра твоя как делает? Она же совершеннолетняя.

Костя: Она дура!

Отец Игоря: Что значит "дура"? Дуру не возьмут работать на почту.

Костя: Она жизни не знает... Много надо, чтобы их обмануть! Нет, - пока они не распишутся и не будут жить нормально... до тех пор я вам жизни не дам. Сам погибну, но вам тоже не жить. Сам все сделаю, сам! Сам буду судить!.. За подлость.

Мужчина внимательно и тяжело смотрел на него. Долго молчал.

Мать Игоря: Господи, да что же это такое-то! Да о чем вы говорите?!

Костя: Мне жизнь не такая дорогая, как вашему красавцу... Но ему не жить, если он не сделает по-человечески! Не жить! Я жить не буду, отец убьет вас: он знает, куда я пошел...

Отец Игоря: Кто твой отец?

Костя: Человек. Чего тебе все надо: кто? Кто? Человек, кто! Пуза у него, правда, нет вот такого...

Отец Игоря: Сейчас ты оставишь свой адрес и уйдешь. (*Встал и подошел к столу -- записать адрес*). Говори.

Костя: Я не уйду отсюда, пока не дождусь вашего Игорька... Потом мы пойдем вместе, я его суну носом в пеленки - он будет знать, где теперь его дом и семья.

Мать Игоря: Да какой он семьянин! Он только первый курс закончил... Ему еще четыре года учиться.

Костя: Будет работать и учиться. Ничего страшного.

Отец Игоря: Давай адрес! Я приду говорить с твоим отцом. А ты человеческих слов, я вижу, не понимаешь.

Костя: Ваш подонок зато понимает человеческие слова... Красивые, наверно, слова! Я не двинусь отсюда, пока его не дождусь.

Мать Игоря: Да нету его, нету! Что же, милицию, что ли, вызвать?

Костя: Вызывайте.

Мать Игоря: Но нет его! Нету в городе - в деревне он.

Костя: Врете.

Отец Игоря: Говори адрес!..

Костя: Не ори. А то живот лопнет...

Мужчина быстро подошел к Косте, сгреб его за шиворот и повлек по коридору к входной двери. Костя сперва покорно пошел, повинуясь руке, а когда мужчина расслабился и уже без усилия вел Костю за шкурку, тот вдруг вывернулся, развернулся и со всей матушки-силы дал ногой мужчине в живот. Тот так и сел к стене на корточки... Женщина закричала, вылетела из коридора в какую-то еще комнату к телефону, как понял Костя, потому что услышал, как схватили трубку и крутнулся диск. Костя вернулся в красивую комнату с рыбками, взял пестик и вышел опять в коридор.

Отец Игоря: Не надо! Ольга, не надо!

Мать Игоря: Но это же бандитизм. Почему не надо?! Это же бандитизм!..

Отец Игоря: Не надо. Пойдем к отцу вместе. Дай одеться, Оля.

Пошли. Пестик-то оставь.

Костя положил пестик на стул перед самым выходом из квартиры.

У лифта.

Отец Игоря: Где ваш дом?

Костя: На Советской.

Отец Игоря: Как туда ехать?

Костя: Да тут три квартала...

В лифте

Отец Игоря: Сколько тебе лет?

Костя: Не в этом дело.

На улице.

Отец Игоря: А чего ты так ерепенишься-то?

Костя: А чего же мне на вас, молиться?

Отец Игоря: Да не молиться, кто тебя заставляет молиться. Но так же тоже... умные-то люди не ведут себя.

Костя: Ваш Игорек зато ведет себя... Комсомолец небось!

Отец Игоря: Из всякого безвыходного положения всегда можно найти выход, запомни это.

Костя: Что, деньги небось будете совать?

Отец Игоря: Дурак. Психопат. И сестра твоя такая же?

Костя: Что же вы умные... Ишь, умные! Умники... Я вам раз и навсегда говорю: не сделаете по-человечески, я...

Отец Игоря: Пошли. От горшка два вершка, а сплошные угрозы. Сопляк.

Некоторое время шли молча.

Отец Игоря: Что же это за семья будет, если мы их силой сведем? Вы об этом-то подумали?

Костя: А он думал?..

Отец Игоря: Да что ты, как дятел, - "он, он"! А она?

Костя: Она девка! А он -- парень!

Отец Игоря: Не ори... Чего ты орешь? Я вообще могу не ходить с тобой...

Костя: Выломлю штaketину и погоню вперед... Если не пойдешь.

Отец Игоря: Тьфу!.. Полудурок. Да неужели ты не можешь спокойно-то?

Костя: Не могу. Не могу-у! Я как только погляжу на твою спокойную... на твое лицо, так у меня в голове все мутится: как ты-то можешь спокойно? Человек же на свет родился... маленький... а вы, как... Да вы что!

Отец Игоря: Все, не ори больше. Иди молча.

Квартира Худяковых.

Костя: Дедушку привел нашего Антона.

Отец Игоря: Здравствуйте. Я - Свиридов, Павел Владимирович.

Отец Кости: Так. А мы Худяковы.

Отец Игоря: Ну, приглашайте. Показывайте внука.

Встреча.

Отец Игоря: Где же внук-то?

Алевтина: Какой внук?

Отец Игоря: Мой внук...

Костя: Это отец Игоря

Алевтина: Какого Игоря?

Костя: Твоего Игоря... Отца Антона.

Алевтина: Во, псих-то. Чего ты самодеятельность-то развиваешь? Какой Игорь?

Костя: Ты не темни!..

Алевтина: Чего "не темни"?

Костя: Он - отец Игоря, а Игорь - отец Антона. Что ты?

Алевтина: Да откуда ты взял? Чего ты людей зря беспокоишь, дурак ты такой!

Ну надо же!.. При чем тут Игорь-то?

Отец Игоря: Погодите, погодите. Давайте разберемся: вы были знакомы с моим сыном? С Игорем Свиридовым.

Алевтина: Была знакома... Я знала его. Но дружил он не со мной, а с моей подружкой, тоже на почте работала.

Отец Игоря: Значит, это не его сын?

Алевтина: Откуда?!

Костя: А чей же он тогда сын?!

Отец Кости: Костя. Не ори. Ну, выяснили? Все, значит, в порядке... Извините, что зря побеспокоили.

Отец Игоря: Да ну что!.. Дело разве...

Костя: Да врет она! Не хочет говорить: договорились с этим Игорем!

Отец Кости: Не ори, Костя! Чего орать-то? (*Свиридову*) Извините. Мы, конечно, переживаем тут, поэтому и...

Отец Игоря: (*Алевтине*) Нет, может быть, правда, вы что-то скрываете? Может быть, Игорь...

Алевтина: Да ни с какого боку! Господи!..

Отец Игоря: Ну что же... (*Косте*) . Я могу быть свободен?

Костя, миновав его, молча прошел на кухню. И заорал оттуда что было силы:

Костя: Все равно дознаюсь! Доз-на-а-ю-усь!

Отец Игоря: До свидания.

Отец молча кивнул. Свиридов ушел.

Костя: Не я буду, дознаюсь! Други игрищ и забав нашлись мне... Паразиты.

Мать Кости: Ладно, Костя. Не переживай. На кой он черт нужен, такой отец... если и найдется! Что, сами, что ли, не прокормим? Прокормим.

Костя: Никто так не делает. Кто так делает!

Мать Кости: Ну не делают!.. Сплошь и рядом. Садись поешь вон... а то бегаешь, как сыщик, с лица опал даже. Что ты-то переживаешь?

Мать Кости: Не переживай, Костя. Сами вырастим.

4. Верую

Ты пришел узнать: во что верить? Ты правильно догадался: у верующих душа не болит. Но во что верить? Верь в Жизнь. Чем все это кончится, не знаю. Куда все устремилось, тоже не знаю. Но мне крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других... Зло? Ну – зло. Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам в рыло. Никаких – «подставь правую». Дам в рыло, и баста.

Все в одну сторону – добрые и злые.

Максим: Хорошо, тогда почему же у тебя у самого душа болит?

Поп: Я болен, друг мой. Я пробежал только половину дистанции и захромал. Ты самолетом летал?

Максим: Летал. Много раз.

Поп: А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернется, значит, так надо; Жалеть и трусить не буду. Прекрасно чувствовал себя всю дорогу! А когда он меня оторвал от земли и понес, я даже погладил по боку – молодец. В самолет верую. Вообще в жизни много справедливого. Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает.

Максим: А у вас в церкви... как заведут...

Поп: У нас не песня, у нас – стон. Нет, Есенин... Здесь прожито как раз с песню. Любишь Есенина?

Максим: Люблю.

Поп: Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Справедливо. Поздно? Поздно...

Максим: Отец! Отец... Слушай сюда!

Поп: Не хочу!

Максим: Слушай сюда, колода!

Поп: Не хочу! Ты слаб в коленках...

Максим: Я таких, как ты, обставлю на первом же километре! Слаб в коленках...Тубик.

Поп: Молись! Повторяй за мной...

Максим: Пошел ты!..

Поп: Повторяй за мной: верую!

Максим: Верую!

Поп: Громче! Торжественно: ве-рую!

Максим: Ве-ру-ю-у!

Вместе: Ве-ру-ю-у!

Поп: В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объективно-о! Вместе! За мной!..

Максим: Ве-ру-ю-у!

Поп: Верую, что скоро все соберутся в большие вонючие города! Верую, что задохнутся там и побегут опять в чисто поле!.. Верую!

Максим: Верую-у!

Поп: В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мякоть телесную-у!..

Вместе: Эх, верую, верую!

5. Привет Сивому

Михаил: Эта история о том, как Михаил Александрович Егоров, кандидат наук, длинный, сосредоточенный очкарик, чуть не женился.

Была девушка... женщина, которая медленно, ласково называла его – Мишель.

Очкарика слегка коробило, что он Мишель, он был русский умный человек, поэтому вся эта... весь этот звякающий чужой набор – «Мишель», «Базиль», «Андж» – все это его смущало, стыдно было, но он решил, что он потом, позже, подправит свою подругу, она станет проще. Пока он терпел и «Мишеля», и многое другое. Ему было хорошо с подругой, легко. Ее звали Катя, но тоже черт возьми – Кэт. Мишель познакомился с Кэт у одних малознакомых людей. Что-то такое там отмечалось, день рождения, что ли, была Кэт.

Этюд. Знакомство. Побег.

Квартира Кэт. Кэт и Михаил

Кэт: Ну, хватит, Мишель, хватит...

Михаил: Катя, что, если мы... у меня скоро отпуск, махнем-ка мы в Сибирь. На Алтай. Возьмем рюкзаки – и пешком. Там очень развита народная медицина, я бы хотел подсобрать материал...

Кэт: Найн, Но-о, Мишель.

Прощаются.

Этюд. Утро в городе.

Михаил: Умная женщина, остроумная, смелая... Хотя опять же – эта нарочно замедленная речь, вялость, чрезмерная томность... Не то что это очень уж глупо, но зачем? Может она хочет мне понравиться... Хочет казаться очень современной, интересной... Дурочка, в этом ли современность!

«Я постепенно открою ей простую и вечную истину: интересно то, что естественно. Чего бы это ни стоило – открою!» –

Все потом войдет в свои берега. Есть в природе весна, есть разливы... Мы потом славно все наладим: она неглупа, она поймет, что не вся литература – «Аэропорт», да даже дело не в том: пусть «Аэропорт», но пусть рядом будут реальные измерения вещей: например, прожит день, оглянулся – что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не знать хоть иногда праздника – величайшая бедность.

Конечно, конечно, конечно, она знает в совершенстве искусство нежности, ласки, но мы прибавим к этому нечто трезвое, деловое. Мы обречем!

Квартира Кэт. Пластическая сцена Кэт и Сержа.

Звонок в дверь. Приходит Михаил.

Михаил: Здравствуйте.

Кэт: Знакомьтесь. Серж, я тебе говорила...

Серж кивнул.

Михаил: Михаил Александрович, –

Кэт: Кофе? Коньяк?

Серж: Что вы предпочитаете?

Михаил: Коньяк, пожалуй. А вы?

Серж: Да, пожалуй.

Кэт: Серж, в холодильнике.

Серж встал и медленно пошел на кухню.

Михаил: В чем дело?

Кэт: Что? О чем ты?

Михаил: Кто это?

Кэт: Знакомый...

Михаил: Как знакомый?

Кэт: Близко.

Михаил: Но... Не понимаю! Что значит «близко»?

Кэт медленно засмеялась.

Вошел Серж с коньяком и еще с какой-то бутылкой.

Серж: Я нашел там виски. Я, пожалуй, займусь виски. У тебя есть содовая?

Кэт: Там же, внизу.

Серж поставил бутылки и опять медленно отбыл на кухню.

Михаил: В чем дело? Кто это?

Кэт: Мой старый знакомый, я же сказала. Друг, если угодно. А что?

Михаил: Не понимаю... У нас, кажется, были не те отношения...

Кэт: Тебе было плохо со мной?

Михаил: Но я считал, что... Не понимаю! Ничего не понимаю!

Кэт: Ты считал, что ты единственный и неповторимый?

Михаил: Значит, между нами все?

Кэт: Почему? Ты можешь приходить...

Михаил: По графику, что ли?

Кэт: Не надо хамить.

Вошел Серж с содовой.

Серж: Вам коньяк или виски?

Михаил: Мне бы водки. Есть в этом доме водка?

Серж: Есть?

Кэт: Нет.

Михаил: Ну, тогда виски. С содовой,

Кэт: Как съездили? Интересно было?

Серж: Было недурно.

Кэт: Кто был?

Серж: Были Алка с Владиком, Радик... Еще двое, ты их не знаешь.

Кэт: Радик один был?

Серж: Один. Было недурно. Погода несколько портила пейзаж...

Кэт: Почему Радик был один?

Серж: Ты же знаешь Радика! Настроение – побыть одному. Вообще недурно было.

Михаил Выпил. Кэт и Серж продолжали беседовать.

Кэт: Что делали?

Серж: Ну, сама знаешь... В пасмурную погоду дулись в преферанс. Кстати, потом, знаешь, кто приехал? Сивый!

Кэт: Да?

Серж: Подкатывает мотор, смотрим – вылезает Сивый. В пылище!.. Выволакивает из багажника ящик шампанского... «Закуска – ваша!» – орет.

Михаил: Сивый один был?

На него удивленно посмотрели.

Серж: Сивый был один,

Михаил: Что это он? Сдурел, что ли, один ездит.

Серж: Вы знаете Сивого?

Михаил: Ну, мерин такой... сероватый, срыжа.

Кэт: Не надо хамить, Мишель.

Серж пристально посмотрел на Мишеля.

Михаил: Еще, что ли, врежем? – взял бутылку с виски, взял другую рюмку, побольше, набухал полную. – Ну, со знакомством? – подержал рюмку, ожидая, не присоединятся ли к нему... К нему не присоединились, Мишель выпил один. – Кхух!.. – Обожаю виски. У вас «Кент»? Позвольте?..

Серж пододвинул ему пачку.

Михаил: Не фонтан сигареты, да?

Серж: У вас есть что-нибудь лучше?

Михаил: «Мальборо», дома оставил. На электрооргане. Вышел уже и хватился: где же у меня «Мальборо»-то? Потом вспомнил: играл на электрооргане и там, наверно, оставил. Ну, думаю, у Кэт кто-нибудь будет, я стрельну. У вас есть электроорган?

Серж: Нет, у меня есть балалайка.

Михаил: Фи-и... и вы на ней играете?

Серж: Да, я на ней играю.

Михаил: И как на это смотрит Сивый?

Серж: Сивый... Слушает и плачет.

Михаил: И Радик плачет? Что же вы такое играете, что они плачут?

Серж: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Михаил: Прекрасная мелодия... Чего же тут плакать? Хотя... понятно: кадры. Вообще, как сейчас обстоят дела с кадрами? По-моему, неплохо? Как Сивый на этот счет думает?

Пауза.

Михаил: Ну-с, как Сивый думает о проблеме кадров?

Серж: Сивый? Сивый думает, что за...

Кэт: Серж!

Михаил: А призы Сивый берет?

Серж: Берет. Хотите, я вам покажу парочку его призов?

Михаил: А когда же он думает? Во время рысистых испытаний?

Серж требовательно посмотрел на Кэт: он больше не мог терпеть.

Кэт: Мишель, не надо хамить.

Михаил: А кто хамит? Мы просто беседуем. Скажите, пожалуйста, много было народу?

Серж молчал.

Михаил: Вы не заметили, Вороной был там или нет? Кстати, как Сивый чувствует себя в самолете? Не ржет от удовольствия? А то я с Вороным летал однажды, он как заржет!..

Серж: Ну, хватит. Сейчас ты у меня заржешь...

Кэт: Серж, не очень там.

Драка

Серж: Еще?

Михаил: Давай.

Спускается с лестницы.

Михаил: Привет Сивому!

6. Жена мужа в Париж провожала

Колька: Каждую неделю, в субботу вечером, Колька Паратов дает во дворе концерт. Выносит трехрядку с малиновым мехом, разворачивает ее, и:

А жена мужа в Париж провожала,

Насушила ему сухарей...

При игре Колька, смешно отключив зад, пританцовывает.

Тара-рам, тара-рам, тара та-та-ра... рам,

Тари-рам, тари-рам, та-та-та...

Старушки, что во множестве выползают вечером во двор, смеются.
Ребятишки, которых еще не загнали по домам, тоже смеются.

А сама потихоньку шептала:

"Унеси тебя черт поскорей!"

Тара-рам, тара-рам, та-та-ра-ра...

Соседи: Коль, цыганочку!

Колька: Колька - обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льняным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город.

Соседи: Коль, цыганочку!

Колька: Колька в хорошем субботнем подпитии, улыбчив.

Соседи: Коль...!

Колька: Валю-ша. Брось-ка мне штиблеты - цыганочку товарищи просят.

Валюша: Валюша не думает откликаться, она зла на Кольку, ненавидит его за эти концерты, стыдится. Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но нарочно зовет, ломая голос - "по-тирольски", чем потешает публику.

Колька: Валю-ша! Отреагируй, лапочка!.. Хоть одним глазком, хоть левой ноженкой!.. Ау-у!..

Валюша: Смеются... Валюша не выдерживает: с треском распахивается окно на третьем этаже, и Валюша, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо говорит: Я те сейчас отреагирую -- кастрюлей по башке, кретин!

Колька: Внизу взрыв хохота; Колька тоже смеется, хотя... Странно это: глаза Кольки не смеются, и смотрит он на Валюшу трезво и, кажется, доволен, что заставил-таки сорваться жену, довел, что она выказала себя злой и неумной, просто душой. Колька как будто за что-то жестоко мстит жене, и это очень на него непохоже, и никто так не думает -- просто дурачится парень, думают.

Соседи: Какой размер, Коля?

Колька: Фиер цванцихь - сорок два. Кольке дают туфли (он в тапочках), и Колька пляшет... Пляшет он красиво, с остервенением. Враз становится серьезным, несколько даже торжественным... Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает цыганочке, где надо молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо пощелкивают об асфальт носочки - каблочки, каблочки -- носочки...

Этюд.

Колька: В окне на третьем этаже отодвигается край дорогой шторы - Валя смотрит на своего "шута".

(музыка стоп)

Валюша: В окне на третьем этаже отодвигается край дорогой шторы - Валя смотрит на своего "шута". Она тоже серьезна. Она тоже в плену исступленной, злой цыганочки. Три года назад этой самой цыганочкой Колька "обаял" гордую Валу, больше гордую, чем... Словом, в такие минуты она любит мужа.

Соседи: Познакомился сибиряк Колька с Валюшей самым идиотским способом - заочно. Служил вместе с ее братом в армии, тот показал фотографию сестры... Сразу несколько солдатских сердец взволновалось - Валя была красивая. Запросили адрес, но брат Валин дал адрес только лучшему своему корешу - Кольке. Колька отправил в Москву свою фотографию и с фотографией – много "разных слов".

Валя: Валя ответила...

Колька: Завязалась переписка.

Соседи: Коля был старше Валиного брата на год, демобилизовался раньше, поехал в Москву один.

Тесть: Собралась вся Валина родня - посмотреть Кольку.

Теща: И всем Колька понравился, и Вале тоже.

Соседи: Смущало, что у солдатика пока что одна душа да чубчик, больше ничего нет, а главное, никакой специальности.

Теща: Но решили, что это дело наживное.

Тесть: Так Коля стал москвичом,

Соседи: даже домой не доехал, к матери.

Этюд. Свадьба. Новоселье.

ей жить

Колька: Стали они с Валюш-поживать, и потихоньку до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них народилась дочка Нина, хорошенькая, круглолицая, беленькая... Колька понял, что он тут сел намертво. Им сообща - родней - купили двухкомнатную кооперативную квартиру (родные Вали все потомственные портные, и Валя тоже классная портниха). Колька много раз менял место работы, но везде - сто, от силы сто двадцать рублей. А Валя имела до трехсот чистыми. Она работала телеграфисткой: сутки работает, двое дома - шьет.

Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам. Он попытался было воздействовать на нее, что нельзя же так-то уж, но получил железный отпор.

Колька: У нас в деревне и то бабы не такие жадные...

Валя: Заткнись со своей деревней. Ехай туда, кому ты здесь нужен!

Колька: "Ну и влип... Как влип!"

Колька вечером сажал дочку на скамеечку во дворе и играл ей на гармошке и пел кривляясь:

Моя мечта не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня;
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня.

Полгода назад приезжала к ним мать Колькина, Валя приняла ее вежливо, но мать все равно боялась ее, лишний раз боялась ступить по квартире, боялась внучку на руки взять... Колька исказился, глядя на мать. Когда они остались одни, он упрекнул ее:

Колька: Мам, ты че это?

Мать Кольки: Че?

Колька: Да какая-то... внучку на руки даже не взяла.

Мать Кольки: Да боюсь я, сынок, че-нибудь не так сделаю.

Колька: Ну, ты уж какая-то...

Мать Кольки: Да ниче, че ты? Посмотрела вот - и слава богу. Хорошо живешь-то, сынок, хорошо. Куда с добром!.. Слава те, господи! И живи. Она бабочка-то ниче, с карахтером, правда, но такая-то лучше, чем размазня кака-нибудь. Хозяйка. Живите с богом.

Колька: Так и уехала мать с мыслью, что сын живет хорошо.

Валя: Что же мамочка-то твоя?.. Приехала и сиди-ит, как... это... Ни обед ни разу не сготовила, ни с внучкой не погуляла... Барыня кособокая.

Колька: Колька впервые тогда шваркнул жену по загривку. Она, ни слова не говоря, умотала к своим. Колька взял Нину, пошел в магазин, выпил, пришел домой и стал ждать. И когда явились тесть с тещей, вроде не так тяжело было толковать с ними.

Теща: Ты смотри, смотри-и, парень!

Тесть: Ты смотри-и!..

Теща: Ты - за рукоприкладство-то - в один миг вылетишь из Москвы.

Тесть: Нашелся!..

Теща: Для тебя мы ее растили, чтоб ты руки тут распускал?!

Тесть: Не дорос!

Теща: С ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе чета...

Колька: Что же вы сплеховали? Надо было хватать первого попавшегося и в загс - инженера-то. Или они хитрей вас оказались? Удовольствие получили - и в кусты? Как же вы так лопухнулись?

Валя: Кретин! Сволочь!

Тесть: А вот мы сейчас милицию! А вот мы сейчас милицию вызовем!..

Валя: Живет на все готовенькое, да еще!.. Сволочь!

Теща: Голодранец поганый!

Валя: Кретин!

Колька: Дочка Нина заплакала. Колька побелел, схватил топорик, каким мясо рубят, пошел на тестя, на жену и на тещу. Негромко, но убедительно сказал: Если не прекратите орать, я вас всех, падлы... Всех уложу здесь!

Валя: С того раза поняли супруги Паратовы, что их жизнь безнадежно дала трещину. Они даже сделали вид, что им как-то легче обоим стало, вольнее. Валя стала куда-то уходить вечерами.

Колька: Куда это?

Валя: К заказчикам.

Колька: Ну как заказчики?

Валя: Дурачок. Не думай - не из таких.

Колька: Вы не из таких, вы из таковых.

Колька: Бывало, что по воскресеньям они втроем - с дочкой – ездили куда-нибудь. Раза три ездили на ВДНХ. Заходили в шашлычную, Колька брал шашлыки, бутылку хорошего вина, конфет дочери... Вкусно обедали, попивали вино. Колька украдкой взглядывал на жену, думал: "Что мы делаем? Что делаем, два дурака?! Можно же хорошо жить. Ведь умеют же другие!"

Смотрели на выставке всякую всячину, Колька любил смотреть сельхозмашины, подолгу простаивал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли от машин перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа. Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, - это не жизнь, это что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое... Руки отвыкли от работы, душа высыхает - бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства. Пить научился с торгашами. Поработать не поработают, а бутылки три-четыре "раздавят" в

подвале (к грузчикам еще пристегнулись продавцы - мясники, здоровые лбы, беззаботные, как колуны). Что же дальше? Дальше - плохо. И чтобы не вглядываться в это отвратительное "дальше", он начинал думать о своей деревне, о матери, о реке... Думал на работе, думал дома, думал днем, думал ночами. И ничего не мог придумать, только травил душу, и хотелось выпить, "Да что же?! Оставляют же детей! Виноват я, что так получилось?"

Соседи: Люди давно разошлись по домам... А Колька сидит, тихонько играет - подбирает что-то на слух, что-то грустное. И думает, думает, думает.

Мысленно он исходил свою деревню, заглянул в каждый закоулок, посидел на берегу стремительной чистой реки. Он знал, если он придет один, мать станет плакать: это большой грех - оставить дите родное, станет просить вернуться, станет говорить...

Колька: О господи! Что делать?

Соседи: Окно на третьем этаже открывается.

Соседи уходят.

Валя: Ты долго там будешь пилить? Насмешил людей, а теперь спать им не даешь. Кретин! Тебя же сейчас во всех квартирах обсуждают!

Колька: Колька хочет промолчать.

Валя: Слышишь, что ли? Нинка не спит!.. Клоун чертов.

Колька: Закрой поддувало. И окно закрой - она будет спать.

Валя: Кретин!

Колька: Падла!

Валя: Я вот расскажу кому-нибудь, как ты мечтал на выставке: "Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли". Кулачье недобитое. Почему домой-то не поехал? В колхоз неохота идти? Об одиночной жизни мечтаете с мамашей своей... Не нравится вам в колхозе-то? Заразы, мещаны.

Колька: Хватит! Надо вершить стог. Эта добровольная каторга сделает его идиотом и пьяницей. Какой-то конец должен быть.

Скоро преодолел он три этажа... Влетел в квартиру. Жена Валя, зачужав недоброе, схватила дочь на руки.

Валя: Только тронь! Только тронь посмей!..

Колька: П-положь ребенка.

Валя: Только тронь!..

Колька: Все равно я тебя убью сегодня. Дождалась ты своей участи... Не хотела жить на белом свете? Подыхай. Я тебя этой ночью казнить буду.

Валя убегает.

Колька: Колька пошел на кухню, достал из ящика стола топорик... Напился воды... Закрыв кран. Подумал, снова зачем-то открыл кран.

- Пусть течет пока.

Вошел в комнату - Вали не было. Зашел в другую комнату - и там нет.

- Убежала.

Вышел на лестничную площадку, постоял... Вернулся в квартиру.

- Все правильно...

Положил топорик на место... Походил по кухне. Достал из потайного места початую бутылку водки, налил стакан, бутылку опять поставил на место.

Постоял со стаканом... Вылил водку в раковину.

- Не обрадуетесь, гады.

Сел... Но тотчас встал - показалось, что на кухне очень мусорно. Он взял веник, подмел.

- Так? Значит, жена мужа в Париж провожала?

Закрыв окно, закрыл форточку. Закрыв дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу. Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: "Доченька, папа уехал в командировку".

Положил газетку на видное место... И включил газ, обе горелки...

Возвращается Валя с родителями.

Валя: Скотина! И газ не...

Кричит.

Тесть: Надо... это... милицию.

Финал. Поклон. Занавес.